

А.В. Венков

ГРОЗА КАВКАЗА

Жизнь и подвиги
генерала Бакланова

• ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА •

Военно-историческая библиотека (Вече)

Андрей Венков

**Гроза Кавказа. Жизнь и
подвиги генерала Бакланова**

«ВЕЧЕ»

2016

Венков А. В.

Гроза Кавказа. Жизнь и подвиги генерала Бакланова /
А. В. Венков — «ВЕЧЕ», 2016 — (Военно-историческая
библиотека (Вече))

ISBN 978-5-4444-8648-1

Военачальник Донского казачьего войска генерал-лейтенант Яков Петрович Бакланов (1808–1873) был одним из прославленных героев Кавказской войны 1817–1864 гг. О безмерной храбрости и лихости Бакланова ходили легенды. Он лично водил казачьи полки и сотни в атаки, участвовал в засадах и перестрелках, приступах, строительстве укреплений, мостов и дорог. Обладая огромной физической силой, неизменно выходил победителем из рукопашных схваток. Получив под командование полк донцов, бывший в отчаянно плохом состоянии, он скоро сделал его образцовым, а от робкой линейной обороны своих предшественников перешел к самым решительным наступательным действиям «за линией». Бакланов вскоре становится грозой «немирных» горцев, считавших Баклю сродни самому дьяволу и звавших его Даджалом. Книга историка казачества А. В. Венкова знакомит читателя с жизнью этого легендарного героя.

ISBN 978-5-4444-8648-1

© Венков А. В., 2016

© ВЕЧЕ, 2016

Содержание

Глава 1. Гугнинские Баклановы	6
Глава 2. Странности любви и службы	12
Глава 3. Браилов	16
Глава 4. Турецкая кампания	21
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Андрей Венков
Гроза Кавказа. Жизнь и
подвиги генерала Бакланова

© Венков А. В., 2016

© ООО «Издательство «Вече», 2016

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2016

Сайт издательства www.veche.ru

Глава 1. Гугнинские Баклановы

Какие названия давали на Дону станицам? Были простые названия. Это у тех станиц, что самые старые. «Вёшки», к примеру. «Вёска» – по-польски (да и вообще по-славянски) означает «деревня». Были названия как привязка к месту – «Усть-Медведицкий городок» или проще – «Усть-Медведица», по названию реки. То же самое – «Усть-Хопер» и «Усть-Бузулук». В среднем течении Дона – «Трехостровянская», «Пятиизбянская».

Позже, после обильного кровопускания, устроенного на Дону Петром Первым, верно-подданные донцы стали давать станицам наименования по великим князьям и княгиням, по членам императорской фамилии. Появились станицы «Александровская», «Константиновская», «Павловская», «Михайловская», «Николаевская», «Екатерининская», «Елизаветинская». «Под занавес» одну из последних, основанных на новых задонских землях, назвали прямо – «Великокняжеская».

Была еще станица «Алексеевская», но очень уж старая, явно не в честь последнего Наследника Цесаревича. Разве что в честь Алексея Петровича, сына Петра Великого, мятежного царевича, по приказу отца удушенного? Нет, вряд ли... Да и станица «Петровская» была, но больно уж захудалая и в глухомани. Явно не в честь императора Петра Первого. А может, и в честь. Может, именно так и отомстили. Тонко.

Казаки плодились, отселялись. Новые станицы стали именовать в честь Донских Атаманов, когда-либо на Дону правивших, – «Орловская», «Платовская», «Власовская», «Хомутовская», «Габбевская», «Краснокутская», «Чертковская». Одну назвали «Милютинской» – в честь военного министра.

И были станицы в честь великих воинов, на Дону не атаманивших и членами императорской фамилии не являвшихся, – «Суворовская», «Потемкинская», «Баклановская»...

Стояли они на старых, давно обжитых местах, имели старинные свои прозвища, но переименовали их казаки, дали новые имена – имена людей, достойных подражания. И по именам этим видно, кого донцы чтили, кому хотели подражать.

Суворов, Потемкин, Бакланов...

Изначальное название Баклановской станицы – «Гугнинская».

Говорили казаки, что возник городок их «Гугнинский» сразу после Азовского осадного сидения или даже раньше. Но Фрол Минаев, Донской Атаман, в декабре 1672 года перечисляя в Посольском приказе все донские городки, «Гугнинского» – не назвал. А в походном журнале Петра I за 1696 год он есть. Вот где-то в это время, между разинским бунтом и Азовскими походами Петра, городок и появился.

Заложил его некто Гугнивый, и был этот Гугнивый, судя по прозвищу, явный русак. Именно у русских в это время родовые прозвища часто давали по какому-либо признаку, искажающему Богом данный образ человеческий. Знаем мы среди бояр того времени Брюхатых, Горбатых, Вислых, Щербатых. И наш Гугнивый из того же гнезда – «гугнивый» значит «гну-савый».

Новый городок Гугнивый заложил грамотно – в урочище Зимовном – на левой стороне Дона и на правой стороне протоки, на острове, образовавшемся, когда Дон менял русло.

Леса в пойме много. Срубили казаки бревенчатый городок, крепкий, дубовый. С юга от ногайцев и черкесов надежно прикрылись Старым Доном; с севера и запада от возможных крымских набегов – самим Доном Ивановичем. А с восточной стороны понадеялись на непролазную чащобу, непроходимую для легкой степной конницы.

После Крымских и Азовских походов на правом берегу Дона стало спокойнее, да и казаки размножились, хозяйством обзавелись. А на острове с хозяйством – тесно. Опять же – разливы. И перебрались заматеревшие донцы на правый берег в урочище Яблочное, на Терентьев

бугор – тремя верстами севернее старого места. Жить здесь собирались долго, обстоятельно, и по благословию епископа Сарского и Подонского поставили гугнинцы на новом месте собственную церковь в честь Казанской иконы Божьей матери, поставили основательно – из дубового леса.

Но Дон наступал, подмывал высокий правый берег, менял русло, и казаки поднимались выше и выше, отступая от старого своего городища. Даже церковь переносили. Как и Зимовное урочище, остался Терентьев бугор на острове между Старым и Новым Доном (или Доном и Донком).

Ушли гугнинцы, а старое место в Яблочной луке над Старым Доном называли Осадные юрты – дескать, сиживали здесь в крепком месте в осаде при татарских и ногайских набегах.

Вот здесь в начале XIX века в мало от других отличавшейся станице Гугнинской в метрической книге местной церкви появилась за 1809 год запись № 4: «15 марта рожден, 19 – крещен сын Иаков у полкового хорунжего Петра Дмитриева и жены его Устины Малаховой Баклановых. Восприемниками при крещении были: казак Роман Макеев Бакалдин и казачья дочь Мария Иоакимовна Киреева. Молитвовал и крещение совершал приходский священник Иоанн Иоаннов с пономарем Тимофеем Поповым».

В честь одного младенца Иакова и получила станица свое новое имя – Баклановская.

Казаки в Гугнинской были сплошь православные, раскола или ересей каких и близко не наблюдалось. Но если глянуть на время рождения «младенца Иакова» с точки зрения астрологической, перевести на новое исчисление и свериться с многочисленными справочниками, то выходило, что родился он под знаком Марса, планеты кровавого цвета, и сулили ему небеса путь воина – походы, битвы и великую славу.

Для донцов (да и для самого младенца) этот путь чем-то особым не казался. На Дону по тем временам все – воины. И родился герой наш в семье донского офицера, и деда-прадеды воевали. Но превзошел он всех, стал воином из воинов, памятник ему воздвигли наряду с Ермаком и Платовым, и во веки веков должны были воинственные сородичи брать с него пример.

«Я родился в 1809 году от бедных родителей, был единственным сыном» – это первая фраза из записок Якова Петровича «Моя боевая жизнь». Она ясна и лаконична. Так четко и ясно отдаются приказы и пишутся донесения. И эта первая фраза по своему стилю подтверждает слова его биографа, что Бакланов «оказался как бы от природы приспособленным к войне».

...Мир открывался перед младенческими глазами бескрайний. С высокого правого берега виднелась во все стороны степь, перерезанная Доном.

Лес оазисами среди песков. Березы, осины, тальник. Лес по реке Цымле – густой – терн, яблони, груши. По другую сторону Дона лес огромный – тополя, дубы, вязы... Еще стояли при малолетнем Якове Бакланове старые дремучие леса в займище на левобережье – те самые, где начиналась старая Гугнинская, называемая тогда городком. Казаки по-прежнему валили там дубы, вязы, тополя, которые шли на домовое строительство. Дома по всей станице стояли крепкие, но «весьма незатейливые», с вставленными в окна бараньими либо другими пузырями.

Лесов таких нигде больше по Дону не было, водились в них по ту пору кабаны, медведи, волки, козы, лисы, несметное количество зайцев. Только охотиться!.. И там же в лесах оставалось после разливов множество озер, где останавливались перелетные лебеди, казарки, гуси, утки. И конечно же, в этих озерах, как и в самом Дону, водилась рыба.

Сама станица не большая, но и не маленькая. Дворов 200, а душ человеческих с тысячу не наберется. При станице два хутора.

В станице одна церковь, Казанской Божьей матери, а в ней известная в окрестных станицах икона – «Всех скорбящих радость». Написана она была по заказу или обещанию казака

Феокистова в 1741 году и имела медный оклад, а на главе Богоматери – медного орла старинной работы.

Сами Баклановы – из коренных гугнинских. Предок Баклановых наряду с Коровиным, Барминым, Пичковым, Калмыковым, Чернобородовым, Хохлачевым, Наседкиным, Поляковым, Сударкиным, Пермьяковым, Чарбиным, Хорелковым, Жирком, Чаплиным, Клепачевым, Татаровым, Забабуриным, Краюшкиным, Прогореловым основал этот городок.

Более того, входили Баклановы в станичную элиту наряду с Хохлачевыми, Алферовыми и Савельевыми. Как ни крути, а все же офицерская семья.

Рождение и первые годы жизни Якова Бакланова сопровождались шумом. Если младенец не ревел благим матом, то ложкой по миске барабанил. Весь перемазанный, еще и тарелку с недоеденной кашей себе на голову наденет... Погрозит ему бабка пальцем, а он ей в ответ пальцем погрозит. Вот и поговорили.

Только ходить стал, убегал со двора. Весь порезанный, исцарапанный. Какими только болезнями не переболел...

Первое яркое воспоминание у малолетнего Якова Бакланова – уход казаков на войну 1812 года. Осенью это случилось. Собрались они среди бабского воя и стенаний и ушли, только пыль по дороге закрутилась. Бегал он тогда со станичными ребятишками следом за уходившим ополчением. Но лошадь не догонишь и от лошади не убежишь... Всех казаков подобрали тогда, подчистую. Опустел Тихий Дон. Остались бабы да деды, которые уж и ходить не могут, а так, на завалинке сидят.

Детворе тоже перепало. Кому ж теперь за хозяйством смотреть? Но с малышни, кому по три, по четыре года, какой спрос? За два лета, пока тепло, пока без штанов босиком бегать можно, пролазил баклановский отпрыск Кандаурову и Чепурью балки, забирался на Селиванов, Абрамов, Романов, Петров и Агапов курганы. Обследовал он Колок и Петрову луку, Потяшев яр, Голый кут и бесчисленные урочища – Пышкино, Яблочное, Черячукино, Серебрянку, Караич, Кайдал, Запертое, Червленое, Рубежное и иные.

Мотался со сверстниками по высокой песчаной насыпи на правобережье, называвшейся Кучургиной-Навиной, – старики гутарили, что здесь были татарские поселения. Рылись там в песке, наконечники стрел искали. В луке Серебрянки играли в войну и брали приступом Черкесский бугор, прежнее место жительства каких-то закубанцев. Возле Сизовой почты вырыли из земли старый ржавый палаш и хорошо сохранившийся медный клинок. А у урочища Червленого окаменелые громадные кости вывалились из берегового донского песка.

С трех лет ездил малолетний Бакланов верхом...

Зимой много не побегаешь, но тут другие развлечения. Соберутся к бабушке соседки, родня какая-нибудь подойдет. Тут только слушай. Перво-наперво всю родню переберут, кто кому кем приходится, кто на ком был женат, откуда брал, когда и от чего умер...

– Он, Никифор, был Игнатьич?

– Да то чей же! Игнатьич. Он старший был, за ним – Терентий, за Терентием – Потап.

– Я его не помню, Никифора...

– Да кто ж его помнит? Я замуж выходила, он уж умер. На свадьбе одна Ульяна, вдова его, была.

– А Потап? Я тетку Грипку хорошо помню...

– Потап – младший. Когда при Булавине да при Долгоруком разорение было, самое он и родился.

– Это какое ж разорение?

– Когда от девяти десятому головы на дровосеке рубили.

– А-а... А Грипка, жена его, с того края была. Чья она?

– Митревна.

– Точно, Митревна... А Терентий, стало быть, средний...

– Средний. Мне свекровь, Никитична, говорила, что Терентий был средний.

Вычислили позже местные краеведы, что род Баклановых пошел от Игната Баклана, появившегося на Дону во второй половине XVII века. В 1695 году у него родился сын Никифор, в 1703 году – Терентий, в 1708 году – Потап; все числились простыми казаками. Никифор был женат на Ульяне Петровой, Терентий – на Анастасии Никитиной, Потап – на Агриппине Дмитриевой.

У Терентия Игнатьевича тоже было три сына. Дмитрий – рождения 1746 года, Минай – 1766 года и Тимофей – 1768 года. И Дмитрий Терентьевич, женатый на Анастасии Тимофеевой, опять же произвел на свет троих казаков: Василия – 1770 года, Якова – 1776 года и Петра – 1785 года.

Самые интересные рассказы – о деде, Дмитрие Терентьевиче. Ездил он в южную дальнюю сторону, охотился. Стрелок был первый. Бил нехристей пулей точно между глаз.

– А куда ж он ездил?..

– Туда, – показывали. – На Кубань да на Кавказ.

– А когда?

– Давно, – отвечали. – При Екатерине, а может, и при Петре.

– А это кто?

– «Кто-кто»... Царь да царица.

Тут обязательно кто-нибудь вспоминал, как встречали гугнинцы царский караван, как царь гостил в городке и как истинный благодетель стал на ночлег не у атамана и не у почетных стариков, а в доме старой бабки Мачехи. Прозвище у нее такое было. Потом пожаловал ее иконой Божьей Матери в серебряном, с позолотой окладе. Но икона та куда-то делась. Когда Мачеха померла, наследников рядом не оказалось, на службе были, и имение бабкино делилось без них.

– Куда ж икона делась? – волновались слушательницы.

– Куда-то... – разводила руками рассказчица.

Далее горячо обсуждались все возможные варианты нахождения царской, несомненно чудотворной иконы.

Родителя, находившегося на службе, Яков почти не помнил. Мать Устинья Малаховна, урожденная Постовалова, из соседней Терновской станицы, «женщина простая, без средств», и мир воспринимала просто, не задумывалась об образовании непоседливого сына. Да ей и некогда было, на ней все хозяйство осталось. «...Но родная моя бабка в один день объявила мне, что я должен поступить учиться к Кудиновне, – грамотная старуха, принимавшая детей к себе в школу», – вспоминал Бакланов. Старушка по-военному быстро и энергично, в один день, решила отдать его в учение. Биограф объясняет эту решительность тем, что бабушка невольно подслушала у Якова выражения «чересчур энергические». Понятно, большие мальчишки еще и не тому научат. В 1814 году, в 5 лет, стал баклановский отпрыск постигать науки.

Перед учением заказали батюшке молебен Святому Науму, чтоб наставил младенца на ум, и стал он ходить в дом Кудиновны, у которой два года по церковной азбуке зубрил – аз-ангел-ангельский, архангел-архангельский.

Затем с ним занимался по Часовнику приходский пономарь и по Псалтыри дьячок.

Всюду повторялось одно и то же. Малец на лету запоминал за ними тексты, а буквы и взглядом не достаивал. Молитвы помнил наизусть, угадывал текст по первым буквам, а читать так и не научился. Скучно и некогда.

Сколько он у Кудиновны занимался или у дьячка? Ну, час в день или даже три. А дальше что делать весь светлый день и темную ночь?

Конечно же, как и все казачата, он, если дома ничего не заставят делать, боролся и в войну играл. Стрелял из лука и пращи по всему, что движется... Лук – оружие благородное. Бьет в два раза дальше, чем ружье, и раза в четыре быстрее. Но мастерить его трудно. Пока

подгонишь, пока склеишь, пока высохнет, иногда целый год уходит. Кроме того, требует постоянного упражнения. И пятилетний Бакланов постоянно упражнялся, хотя лук у него был далек от настоящего. Упражнялся по цыплятам. Во-первых, они маленькие, попасть трудно. Во-вторых, ходят и бегают, то есть движутся. Идеальная мишень.

Матери с бабкой врал, что цыплят таскает коршун, и лук он сделал именно против коршуна. Потом наупражнялся и действительно коршуна подстрелил. Долго подстерегал его под перевернутым и поставленным на чурбаки тележным ящиком, а шагах в двадцати гулял привязанный ниткой за ногу цыпленок. Коршун и упал на него, бедолагу, а когда стал подниматься, замахал крыльями, пустил ему вслед Бакланов стрелу.

Потом представил матери убитого стрелой коршуна и помятого, издохшего вскоре цыпленка. Нитку у него с ноги заранее отвязал.

На стоячую мишень он и стрел не тратил. Суслика запросто мог камнем убить. Настоящий воин должен владеть любым оружием. Надо – тарелкой зарежет.

В конце 1814 года стали возвращаться с царской службы казаки. Многие до самого Парижа дошли. Добра навезли видимо-невидимо. Это те, кто уцелели. А уцелел каждый второй.

«Да, заслужили наши казаки Богу, Государю и Всевеликому Войску Донскому», – говорили старики и надеялись на какие-то великие милости за непосильный воинский труд. Думали, что дадут отдохнуть хотя бы лет пять, на службу посылать не будут. Куда там! Кроме знамен и грамот, Войско Донское ничего не получило.

В 1816 году, весной, позже остальных, возвратился со службы отец. И вскоре поехали они с отцом встречать Платова на речку Кундрючью, в 60 верстах от Новочеркасска. Ждали приезда атамана несколько дней. Яков отца все это время про войну расспрашивал.

Потом проскакал мимо Платов под ружейную стрельбу и восторженные крики. Яков его из-за голов и порохового дыма так и не разглядел толком... Надо было возвращаться.

Отец привез с войны ружье и пистолеты. Когда собиралось застолье, на пари стрелял в туза и сажал пулю в пулю. Якова учил стрелять. Много пороха перевели...

В 1817 году есаул Бакланов получил назначение в полк Горбикова, в Бессарабию, и взял восьмилетнего сына с собой. В мае уехали. «Для дальнейшей науки грамоте» Якова поручили сотенному писарю, который занимался с ним год, затем – полковому, который угробил на малолетка еще один год. Итог был тот же.

Бессарабию все время терзала моровая язва. Полк Горбикова стерег границу, не пускал с той стороны никого на российскую территорию. Служба опасная, зараза невидима. Кто ее переносит? Может, те же птицы. А их как на границе удержишь? В таких случаях лучше не думать, а махнуть рукой – «Чему быть, того не миновать» – и жить одним днем...

Бакланов потом вспоминал, что мальчишкой «по целым дням и ночам вертелся в казармах среди казаков, с жадностью слушал рассказы об отвагах предков наших по Азовскому и Черному морю, об Азовском сидении и о разных эпизодах, в последующие войны новыми поколениями оказанных, и под эту гармонию нередко засыпал сладким сном».

Петр Дмитриевич взял с собой сына в полк не потому, что соскучился по нему в предыдущие военные годы. Просто не видел он для сына другой дороги, кроме военной. Прошли благословенные времена, когда казаки на полковом кругу сотников и есаулов выбирали. Теперь беззаветной храбрости и врожденной военной хитрости мало. От одной полковой отчетности с ума сойти можно. И чтобы в российской армии карьеру сделать, надо знать все хитросплетения полковой жизни и отчетности, а кроме того, финансовые тонкости ведения полкового хозяйства. В общем, «у нас субординация и выслуга лет». Людям годы нужны, чтобы при слабой административной сообразительности во все это вникнуть. Так пусть мальчишка и вникает. Заранее.

В 1823 году полк вернулся на Дон. Отец взялся за хозяйство. Подросший Яков пахал, косил, вообще – «занимался в хозяйстве», о грамоте не вспоминали. Бакланов-старший, «сам мало грамотный», не проэкзаменовал сына – в убеждении, что тот, «пройдя такие знаменитые заведения, под руководством вышесказанных знахарей, был дока читать и писать». А Яков не мог расписаться, «книги читал с величайшим трудом». И сам он, и полковые писаря не переусердствовали в занятиях.

Вернувшись с отцом из полка, Яков, хоть и не служил по-настоящему, вел себя с ровесниками так, словно с войны пришел. С выростками стал водиться, не дотягивая до их возраста.

После панихиды по всем погибшим на масленицу в «прощеный день» устраивали в станице поминки, скачки и прочее. Победитель получал чашу с вином или медом с поцелуем. Девушки непорочные подносили. И Яков пятнадцатилетний скакал вместе с молодыми казаками и на отцовском строевом коне первым пришел, на чашу с поцелуем набился. Позже, гораздо позже, узнал он, что за Кубанью тризну по умершему так же отмечают, только скачут мальчишки-черкесы лет по 12–14.

Писали еще впоследствии биографы, что на состязаниях молодых казаков за право поцеловать самую красивую в станице девушку он одним выстрелом снимал и кружившего в небе коршуна!..

Глава 2. Странности любви и службы

В 1825 году Петр Дмитриевич опять взял сына с собой в полк, теперь – Попова. На этот раз Яков, 16-ти лет, зачислся «в комплект полка», т. е. форменно вступал в службу.

На военную службу, согласно официальным биографам, поступил он 20 мая 1824 года в звании урядника в Донской казачий № 1 полк¹. По другим данным, служил он в полку Попова (он же Бакланова № 1) с 12 мая 1825 по 19 октября 1831 года. По поводу номера полка (громкий № 1) есть сомнения. Полк назывался Попова 1-го (затем – Бакланова)².

В 1825 году отец Бакланова был зачислен в полк командиром сотни. Затем, в 1827 году, отец принял полк за смертью прежнего командира полка. Эта деталь помогает нам определить, кто же был командиром, тем самым Поповым 1-м.

Сам номер – 1-й – показывает, что это старейший из служащих Поповых, а сопоставив с датой смерти, определим, что Поповым 1-м значился и полком командовал Иван Григорьевич Попов, числившийся по Средней станице, а затем по городу Новочеркасску. Службу он начал еще в 1785 году, Измаил штурмовал, а умер подполковником 14 января 1827 года, 57 лет от роду, нестарым еще человеком.

А в послужном списке Петра Бакланова четко сказано, что командовал он полком своего имени № 14. Так что и Яков Петрович службу начинал в полку № 14. Полк состоял из казаков 2-го военного округа, из станиц Среднего Дона. Гугнинская, кстати, туда же входила.

Впрочем, вернемся к началу службы Якова Бакланова...

Казачья служба трудная – 25 лет. Но загнать все казачье мужское население на 25 лет на границы империи невозможно. Кто ж с бабами жить будет, новых казаков плодить? Поэтому делится казачья служба на две примерно равные части – «полевую» и «при Войске». Военное министерство требует у Войска необходимое количество полков для посылки их в Грузию, на Кавказ, в Бессарабию, Финляндию, Царство Польское и другие места, а Войско уже по очереди посылает казаков в полки на 3–4 года. Отслужив, отстояв на границе, возвращается полк и распускается. Казаки, в нем служившие, на 3–4 года отпускаются в дома свои. Потом снова приходит очередь, и снова уходят с новым полком куда-нибудь в Богом забытое место на границе или под горские пули на очередные 3–4 года. И так – 25 лет.

Молодежь с начала срока службы редко в опасные места посылают, дают осмотреться. Это если у кого родственники в полковых офицерах, тогда другое дело – могут с малолетства с собой брать на войну, лишь бы под присмотром. Да и чины идут. И Бакланов, как мы видим, пошел в полк 16-ти лет, гораздо раньше положенного срока, но под присмотром родного отца.

25 мая 1825 года перед отъездом в полк отец благословил его крестом и по обычаю сказал добронапутственное слово. Позднейшие исследователи считали это напутствие, воспроизведенное в литературе, сентиментальным и безвкусным, сочиненным самими биографами. И Яков Петрович Бакланов о нем в своих воспоминаниях умалчивает.

Нас в этом напутствии привлекает одна фраза: «Помни, отец без малейшего покровительства, одной честной службою дошел до штаб-офицерского чина».

У А. С. Пушкина в «Капитанской дочке» 1-я глава «Сержант гвардии» открывается эпиграфом:

«– Был бы гвардии он завтра ж капитан.
– Того не надобно; пусть в армии послужит.
– Изрядно сказано! Пускай его потужит...

¹ Галушко Ю. Казачьи войска России. М., 1993. С. 66.

² Карягин С. В. Поповы. Вып. 67. М., 2007. С. 139.

.....
Да кто его отец?

Княжнин».

Так кто ж его отец? По послужным спискам видно, что Петр Дмитриевич Бакланов, из казачьих детей станицы Гугнинской... В. С. Сидоров в своей «Донской казачьей энциклопедии» пишет: «В службу Петр вступил довольно поздно – в 1805 г. До 1810 г. – в полках, “находившихся при устройстве города Новочеркасска”; в 1808 г. произведен в хорунжие» (С. 363). Коротко и неясно...

Почему – «довольно поздно»? Рано или поздно на службу могли поступать российские дворяне, пользуясь своими дворянскими вольностями, позволяющими служить или не служить по своему усмотрению. Донские казаки на службу поступали по достижении определенного возраста.

По послужным спискам определяем: служба началась с 1 января 1805 года. В полку Кутейникова 2-го с 20 мая 1805, в полку Селиванова – 2 января 1806 года, урядник – с 1 августа 1806 года, в полку Персиянова 2-го с 8 ноября 1806 года. В 1805–1809 годах при переселении Новочеркасска. Хорунжий с 9 декабря 1808 года.

За два года юный Петр Бакланов меняет три полка.

Через год и два месяца с начала настоящей службы получает чин урядника.

Через три с половиной года службы, не участвуя ни в одном сражении, ни в одном походе, получает офицерский чин.

Может, он выгодно отличался от других рядовых казаков и казачьих детей грамотностью, что открывало в те времена путь наверх без походов и сражений? Увы, как явствует из жизнеописаний Якова Петровича Бакланова, отец его особо грамотен не был (вернее, на проверку оказался «сам мало грамотный»), даже степень грамотности сына, как мы увидим дальше, проверить не мог.

Воля ваша, любезный читатель, но здесь что-то не так...

Получив офицерский чин, Петр Дмитриевич Бакланов, согласно послужному списку, в 1809–1810 годах сопровождал рекрутские партии – «призывников». 16 марта 1812 года он получил чин сотника...

Напомню, что с 1805 по 1812 год Россия успела повоевать с Францией, Швецией, Австрией, Турцией, Персией, и все это время шла нескончаемая война на Кавказе.

Но вот начинается Отечественная война 1812 года, и военная биография Петра Дмитриевича Бакланова становится похожей на сотни других донских офицерских биографий. В Отечественную войну он служил в полку Быхалова (с 25 апреля 1812 года). Принимал участие в боях при Лядах, Красном, в Смоленском и Бородинском сражениях. 25 августа 1812 года контужен пулей в правую руку при с. Стремянном. В период отступления французов был «в делах» у Медыни, Вязьмы, Ляхова и многих других населенных пунктах. За отличие при Красном 3 ноября – орден Св. Анны 4 ст.

В 1813 году «находился в боях» при Кенигсберге и Магдебурге. 15 мая дважды ранен пулями в левый бок и левую руку навывлет, однако полка не оставил. «За отличия в делах» пожалован есаульским чином 25 августа 1813.

До 1814 года – «при блокаде» крепости Везель. В 1814 году – «при блокаде» крепостей в Нидерландах. С окончанием войны служил в Польше, но в 1815 году – снова во Франции. Участвовал в блокаде Меца, сражении при Шалоне, занятии Парижа. В полку находился до 1 марта 1816 года.

С 1 мая 1817 по 1823 год (по 21 августа 1822 года), как мы уже видели, – служба в Бессарабии, кордоны по Пруту и Дунаю (в полку Горбикова), куда он брал с собой малолетнего Якова. 13 июня 1824 года получил чин войскового старшины.

Чин войскового старшины и позволил Петру Дмитриевичу говорить, что он «дошел до штаб-офицерского чина».

Заметили, да? После войны очередного чина Петр Дмитриевич Бакланов ждал 10 лет. Какая разница с довоенным периодом!

Но вернемся к нашему герою, к юному Якову Бакланову.

Произведенный в урядники, он во время похода дежурил по сотне и должен был к утреннему рапорту писать рапортики. Тут и открылось, как он обучен этому. Ни писать, ни подписываться не мог. «...Неожиданная моя безграмотность сильно поразила отца», – вспоминал Яков Петрович.

Но не зря старшего Бакланова вверх двигали, не зря позже полк доверили. Знал он, как к кому подойти. Обнял он сына за плечи и сказал:

– Тупой ты, Яшка. Самый тупой в полку. Но ты мой единственный сын, последняя моя надежда. Верь слову – в полковники я тебя все равно выведу.

Яков аж вспыхнул: «Я – тупой?!» Но перемолчал, затаил в себе что-то.

Они находились в это время в Крыму, и отец отдал Якова «пообучаться за условленную цену» в уездное училище в Феодосию. Теперь его наставником был училищный смотритель Федор Филиппович Бурдунов, «честнейший человек», и сам Яков стал относиться к ученью по-другому. «...В продолжение года бытности моей у него, – вспоминал Бакланов, – прошел я всю премудрость, которой обучают в уездном училище и был первым из учеников...»

Прекращение обучения исследователи биографии Якова Петровича Бакланова связывают с его женитьбой. И это, кстати, единственный случай, когда они касаются его семейной жизни. В. С. Сидоров писал: «Учиться можно было бы и дальше. Но мать “в письмах своих настоятельно требовала», чтобы Петр Дмитриевич приехал с Яковым в отпуск и женил его, – матери, тянувшей хозяйство в одиночку, требовалась помощница. Молодого Бакланова женили на гугнинской поповне Серафиме Ивановне Анисимовой. “...Вместе с женитьбой прекратилось дальнейшее мое ученье”, – подытоживает Яков Петрович эту тему в своих записках. Однако жизнь потом еще заставляла доучиваться».

Да уж, жизнь так заставит и научит, что ни мать, ни отец, ни семья, ни школа... Впрочем, мы отвлеклись.

Непонятно только, почему ученье прекратилось. Женился он в Гугнинской, а учился в Крыму. Достаточно, казалось, вернуться в полк...

Ладно. Рвущегося служить Якова Бакланова мать «настоятельно» вытребовала на родину, и здесь он женился... Что ж, обратимся к семейной жизни Якова Петровича, имевшего шестерых детей, что при нынешней демографической ситуации в России может служить всем нам прекрасным примером.

Воспроизведем все по порядку. 20 мая 1824 года Яков Бакланов вступил в службу. 25 мая 1825 года они с отцом после обряда благословения отбыли в полк. Вслед им мать стала писать письма с требованием вернуться и женить Якова, так как ей, оставшейся одной и тянувшей хозяйство в одиночку, понадобилась помощница.

В начале 1826 года Яков Бакланов вернулся на Дон и женился. Венчание состоялось, по данным генерала Потто, 19 января (по другим данным, приводимым отцом нашего героя, – 19 февраля).

Ну, какая из гугнинской поповны работница, судить не берусь. Вопрос – о чем раньше думали? Почему перед отъездом в полк не женили? Что там такое могло случиться в хозяйстве, что через восемь (девять) месяцев Якова понадобилось срочно возвращать со службы и женить, дабы обзавестись помощницей-поповной?

Ладно, проехали, как говорится...

Биограф нашего героя, генерал Потто, пишет: «Исполнив этим желание родителей, он пробыл с женой короткое время и затем возвратился в полк». Сколь коротко было это время?

Первый ребенок, дочь Надежда Яковлевна, появился 8 декабря 1827 года и крещен 10 того же декабря (по документам, представленным старшим Баклановым, Петром Дмитриевичем, для возведения потомков своих во дворянство). Сам Яков Петрович в послужном списке указал дату рождения дочери и вовсе 15 сентября 1828 года.

Что ж получается? Или, женившись, Бакланов остался в станице и в полк не возвращался минимум два года (почему, собственно, и учение его закончилось), или – прошу прощения – ребенок не его. Что предпочтительнее, любезный читатель?

Лично я, вспоминая внешний облик Якова Петровича и его любовь к военной службе, склоняюсь ко второму.

Красавцем он явно не был. Современники донесли до нас его портрет. Рост – 2 аршина, 13 1/2 вершка. Широкое, мускулистое рябое лицо (о болезни биографы не упоминают, видно – в детстве оспой переболел), волосы торчком, суровый взгляд, угловатые манеры. Всегда нагайка в руке, серебряные рубли комкал, как бумагу. Неандерталец...

Да и рождение второго ребенка в пользу нашего предположения.

Второй ребенок, сын Николай Яковлевич, родился 6 декабря 1831 года и крещен был 12 декабря (все по тем же документам о возведении во дворянство).

Полк Бакланова на Дон из Бессарабии после очередной войны выступил 14 августа 1831 года. В полку Яков Бакланов пробыл до 19 октября 1831 года.

Сам Яков Петрович в послужном списке указал дату рождения сына – 6 декабря 1832 года. И все бы хорошо, все на своих местах... Но дата рождения следующего ребенка, дочери Анны, здесь же в послужном списке указана – 3 февраля 1833 года. Что же выходит, его жена каждые два месяца рожала?.. Недоглядел Яков Петрович, не ту дату проставил.

Ладно, разберемся...

В 1828 году с началом военных действий против турок юный Бакланов был произведен в хорунжие (с 29 апреля).

Получив чин, сказал отцу:

– Спасибо. Но больше меня не двигай. Я сам выдвинусь.

– Как же это?

– Да вот так. За заслуги и за отличия.

Отец вздохнул, сказал:

– Ладно, посмотрим.

Глава 3. Браилов

После наполеоновских войн, все 20-е годы XIX века, русские вместе с англичанами и французами пытались мирить турок и греков, настаивали, чтоб османы прекратили свои зверства и дали Греции автономию. Уговоры кончились тем, что объединенные эскадры графа Гейдена, адмиралов Кодрингтона и де Риньи 8 октября 1827 года истребили турецкий флот в Наваринской бухте.

Турецкий султан Махмуд IV провозгласил священную войну против ненавистной России. Русские войска стали собираться в Бессарабии для похода на Дунай, и сам Государь выехал к армии. Французы со своей стороны послали в Морею экспедиционный корпус маршала Мармона, англичане же от военных действий воздержались.

Разрыв с Османскою Портою произошел 2 апреля 1828 года. Русские собрали к тому времени 100-тысячную армию, поделенную на четыре корпуса, при 396 орудиях. В Малороссии образовали еще одну армию – резервную. И Гвардейскому корпусу еще в марте 1828 года был объявлен поход на войну. Но Государь, находившийся при армии, ждать не стал ни гвардии, которая явилась на Дунай только в августе, ни кавалерии, по весенней грязи подходившей из Курской губернии, и повелел действовать безотлагательно.

25 апреля войска 6-го и 7-го пехотных корпусов, отслужив с коленопреклонением молебствие, перешли в трех колоннах Прут и молниеносными маршами в пять дней оккупировали Молдавию и Валахию. Командовали ими три немца – Крейц, Рот и Гейсмар. А немцы – известные мастера первого удара.

6-й корпус занял Бухарест, и 9 мая его авангард дошел до Крайовы, 7-й 29 апреля подошел к Браилову, сильнейшей турецкой крепости на левом берегу Дуная, а 3-й корпус, при котором находилась главная квартира, получил приказ перейти Нижний Дунай, переправился на глазах Государя у Сатунова и занял всю Северную Добруджу. Действия эти привели к разброске сил и без того не особенно многочисленной армии.

В 1828 году, с началом русско-турецкой войны, полк Бакланова выступал из Крыма в европейскую Турцию. Генерал-губернатору Новороссии князю М. В. Воронцову понадобился офицер – отвезти депеши великому князю Михаилу Павловичу под Браилов. Бакланов-старший, который принял полк «в командование» после смерти прежнего командира Попова, отрядил курьером Якова. Тот уже, по выслуге лет, имел первый офицерский чин – хорунжего (29 апреля 1828 г.). С депешами, с курьерской подорожной Яков отправился в путь через Молдавию и Валахию.

«Приподнимем занавес за краешек.

Какая старая тяжелая кулиса...»

Весна. Май. Поля и деревья зеленели. Тепло, но не жарко...

Более пятисот верст пролетели, брызгая грязью, мимо него под звон колокольчика, и тяжелым сном казалась безостановочная дорога с ухабами без числа, по которым почтовая телега ныряла несколько суток, отбивая бока, плечи и голову юного Бакланова. О, эта страшная пытка – засохшая колея!..

Переправившись через Прут, пересел он в курудзу – маленькую плетеную корзину на четырех некованых колесах с угловатыми ободьями, отчего имела она обыкновение не катиться, а нестись прыжками. Почтарь – «суруджи» правил с седла, сидя на передней из четырех лошадей, запряженных цугом в шлейках и привязанных веревочками к карудзе. На весь этот легчайший экипаж не приходилось ни одного гвоздя, даже шкворень был деревянный.

Почтарь хлопнул бичом, гикнул – ги-га-га-га! (за что русские прозвали все это, вместе взятое, «гигивкой»), – и они помчались, подпрыгивая и раскачиваясь, до Браилова.

«С курьерской сумкой на груди, двумя пистолетами за поясом, понесся я, сломя голову, в дальний путь. Бич суруджи хлопал, без умолку гремели его нелепые проклятия, дребезжа и стучая, прыгала гививка по сухой кочковатой дороге, кости мои трещали, тело корбилось под пыткой быстро повторявшихся толчков, я крепился духом и продолжал скакать как подобало курьеру, везущему депеши с перышком на печати, что значило – лететь им быстрее птицы. Благотельный электрический телеграф тогда еще не был изобретен; сообщались в крайних случаях с помощью курьеров, и от скорости, с которою они умели пожирать расстояние, зависела нередко удача или неудача иного предприятия, зависела иногда жизнь тысячи людей. Если обыкновенное путешествие в валахской почтовой карудзе принадлежало к числу трудных житейских испытаний, то курьерская скачка в этом снадобье решительно могла быть отнесена к самым душегубным способам сокращения человеческой жизни. Отдых, дозволенный в первом случае, во втором положительно не допускался. В виду станции бич суруджи громко возвещал о приближении курьера, быстро выезжала со двора наготове стоявшая карудза, в одно мгновение перекидывали чемодан, курьер перескакивал; ги! га! и лошади с места неслись вихрем до следующей почты». Это – не Бакланов, это Федор Торнау, юный 18-летний немчик, прекрасный офицер и русский патриот, пока прапорщик, а в будущем генерал-лейтенант, получивший все чины «за отличие», а не за выслугу лет, и российский военный агент в Вене. Он почти ровесник Бакланова (всего год разницы) и в одних с ним чинах. И скакал он курьером не в 1828 году, а в 1829-м. Но вряд ли там за год что-то изменилось...

Торнау спешил в Крайову. Это за Прутом скакать верст триста. Путь Бакланова был гораздо короче. Сразу за Галацем переправился он через Серет и свернул к югу по-над Дунаем, низменность которого известна своим убийственным климатом.

Как и все казаки, примечал он по дороге каждую мелочь, и не из праздного любопытства. В тряске стремительной езды разглядел он в Галаце кривые немощенные улицы, низкие одноэтажные дома, лавки азиатского вида, плетни, сады, остроконечные крыши церквей и стены церковные, ярко расписанные. Разглядел даже картины Страшного суда чуть ли не на каждой церковной стене и понял, что народ здесь вороватый, сплошной греховодник, если уж батюшки его на каждой стене Страшным судом пугают.

Господские дома отличались массивностью, широкими террасами и неуклюжими навесами, которые подпирались колоннами неизвестного ордера. Оно и понятно – бояре местные вели свои роды от древних римлян, завоевавших некогда эту землю, именуемую в те времена Дакией. Бакланов ничего этого не знал, но разницу отметил.

Под Браилов он явился 23 мая. По прибытии сдал почту и 10 дней дожидался приказа возвращаться в полк.

Браилов уже более трех недель (с 30 апреля) был осажден русскими войсками 7-го корпуса. 10 тысяч гарнизона удерживали город, выставив на стены и бастионы 278 орудий. На Дунае стояла турецкая флотилия, прикрывая город с юга и востока.

Командовал осадой великий князь Михаил Павлович, фельдцейхмейстер, прибывший к городу 5 мая. Осадными работами руководил известный военный инженер Геруа. 7-го числа вечером в блокадный лагерь прибыл сам Государь и остановился в загородном доме браиловского паши.

На другой день Государь с великим князем, фельдмаршалом Витгенштейном и начальником главного штаба графом Дибичем объехал передовые посты и наружные работы. Рекогносцировка показала, что удобен для атаки левый фланг городских укреплений – между 1-м и 3-м бастионами – из-за близости форштадта и садов. Там, прикрываясь зарослями садов и постройками форштадта, уже начал работы Геруа.

1-ю параллель заложили еще до приезда Государя по всем правилам, косо – один край в 150 и другой в 300 саженьях от рва. В ночь на 2 мая начали строить осадную батарею. До 13 мая установили на ней 44 орудия. 13 мая артиллерия этой батареи в присутствии Государя

разбила Пандурские ворота. Турки отвечали. Несколько 24-фунтовых ядер ударили из крепости в основание возвышения, на котором стоял император и с которого он не сошел до самого прекращения огня.

Неприятельская флотилия, опасаясь попасть под ядра русской артиллерии, отошла.

В ночь на 14 мая русские открыли 2-ю параллель. А 16 мая били по Браилову столь сильно, что взорвали в крепости пороховой погреб и вызвали мощнейший пожар.

Государя меж тем отвлекли другие, не менее важные дела. Запорожская Сечь, с давних времен существовавшая на турецком берегу Дуная, опять запросилась в русское подданство. Тысяча запорожцев с кошевым атаманом Иосифом Гладким, всеми старшинами и есаулами перешли Дунай и поклялись верою и правдою служить России. Государь их услуги принял.

Меж тем под Браиловом 20 мая в 5 часов утра турецкий гарнизон пошел на вылазку на своем левом фланге, там, где в форштадте и в садах русские саперы рыли траншеи. Вылазку русские отбили и в ночь на 21 мая начали сапой копать подходы к крепости. В ночь на 23 мая заложили 3-ю параллель. Так что, когда юный Бакланов прибыл под Браилов, осадные работы были в самом разгаре.

По прибытии он сдал почту дежурному офицеру, услышал торопливое и рассеянное «Ждите...» и несколько дней дожидался приказа возвращаться в полк.

Жил он все это время при штабе, палатки которого стояли среди осадного лагеря на возвышенности, приглядывался к штабным. Штабные офицеры – цвет армии. Только здесь да в гвардии, да, пожалуй, кое-где в кавалерии, попадались люди образованные. По вечерам на отдыхе газеты читали. Приглядывался Бакланов издали к названиям – «Пчела», «Сын отечества»; тихие и благонамеренные читали «Московский телеграф», спорщики и непризнанные стратеги – «Инвалид».

Рядом, в лагере пехотного полка, стоявшего в прикрытии корпусной квартиры, образования и учености не наблюдалось. Офицеры там – фронтовые служаки и по большей части добрые ребята, храбрые, но ленивые. Если стрельбы и работ не было, весь день бездумно лежали на кровати или в палатке и в потолок смотрели.

Выходило из штабных палаток начальство, смотрело в зрительные трубы на крепость, на разрушенный форштадт, где среди почернелых садов под турецкими пулями и ядрами суетились саперы. Главные работы там шли по ночам.

Как раз по приезду Бакланова, в ночь на 24-е, русские повели подступы сапой к контрэскарпу рва, против прибрежного бастиона и против 2-го бастиона. 25 мая дошли до контрэскарпа и заложили плацдармы. В ночь на 26 мая стали готовить спуски – начали минную войну. Руководил ею инженер-генерал Ден 2-й. В ночь 26 и 27 мая турки два раза делали вылазки. Русские вылазки отбили и 27 мая начали строить еще батареи.

29 мая русская Дунайская флотилия, наполовину состоявшая из черноморских казаков, потомков запорожских морских разбойников, разбила стоявшую у Браилова турецкую флотилию и взяла 12 судов.

31 мая доложили по начальству, что новые батареи готовы, а 2 июня и минные работы были закончены. Под бастион № 1 заложили 300 пудов пороху, под бастион № 2 – 276. На 3 июня назначили штурм...

О Бакланове за повседневной беготней в штабе забыли. Он подходил, но робел спрашивать. У дежурных одной минуты свободной не находилось. Да и самому интересно было на штурм посмотреть.

Как-то вечером он услышал, что вызывают добровольцев (охотников) идти на штурм Браилова впереди атакующих колонн. Пришли офицеры в пехотный лагерь, подняли солдат, стали спрашивать. И Яков Бакланов подошел, стал позади толпы, глядел через головы.

Удивительно. На Дону бы и спрашивать не стали... А уговаривать и подавно. Подраться все готовы. Бывало, при Суворове или еще при ком-то, во времена матушки Екатерины, выедет

какой-нибудь мамелюк в белом бурнусе, пандур в красном плаще или из джигитов кто из толпиц своих: давайте, мол, кто смелый... Все смелые. Но надо один на один, и чтоб из своих никто не обиделся. Втыкает тогда ближайший казак пику в землю, съезжаются ребята, человек пять-шесть, и от хозяйской руки начинают своими руками вверх по древку перехватывать. Чей верх, того и пика. Хватай и скачи, коли бусурмана.

Много позже, в последнюю войну великой империи, зафиксировали расплотившиеся газетчики такой случай. Преследовали русские войска бегущего противника, выбились из сил, остановились, выделили сводный отряд, но и в сводном отряде лошади стали падать. Но настаивало начальство: «Дальше, дальше...». На плечах, в чужую землю, прямо в пасть...

Построили начальники отряд: «Надо, ребята... Дело смертельное, но надо... Кто охотником пойдет?» И приданная отряду казачья сотня в следующий миг вся, до единого человека, бесшумно, без голоса и шепота, сделала два шага вперед и замерла по-уставному, не меняясь в лице.

Командир отряда вроде и не обрадовался, хотя и удивился, только и сказал вполголоса: «Оголтелый народ...»

И Бакланов сейчас дождался, когда глянули в его сторону, и из-за голов толпы свою фуражку приподнял и кивнул. Это же везение! Хотел поглядеть, а предложили даже поучаствовать...

– Пойдете, хорунжий?

– Да чего ж, пойду...

«Не рассуждая, какие могут быть последствия, – вспоминал он позже – заявил, что тоже пойдет».

В полночь стояли уже наготове две колонны войск по 2 полка, по роте саперов и 2 орудия. После взрыва предстояло им идти на штурм из 2-й параллели. Вышли на исходные позиции и ждали рассвета.

Вспоминал в старости Бакланов, что на рассвете бросились охотники к главной батарее и закричали «ура!». Подбежали ко рву, но их вдруг подняло на воздух, и он «несколько сажен летел как птица пернатая». На другой день очнулся в палатке раненых...

Биографы писали, что молодой Бакланов попал под взрыв мины, был отброшен и засыпан землей – что, возможно, спасло ему жизнь. Из остальных уцелевших после взрыва добровольцев спасся лишь один унтер-офицер, успевший спрыгнуть в Дунай, прочих всех перебили турки на вылазке. В общем, штурм сорвался, потери громадные...

По официальной версии, 3 июня русские взорвали заложенный под вражеские бастионы порох. После взрыва колонны пошли на штурм из 2-й параллели. Правая колонна из-за рыхлой почвы, образовавшейся на месте взрыва, не могла ворваться в образовавшийся пролом и отошла обратно в параллель. Левая колонна нарвалась на сильное сопротивление и тоже была отбита. Турки шесть раз кидались в контратаки на левый передний плацдарм...

На штурме русские потеряли 3 генералов, 92 офицера и 2655 нижних чинов...

Интересно получается. Расчищая дорогу штурмующим войскам, взорвали пятьсот с лишним пудов пороха. Долбануло и землю раскидало так, что штурмовая колонна на месте взрыва «из-за рыхлой почвы» не смогла продвинуться и отошла. Вот, наверное, фейерверк был!..

Но Бакланов ни о каком взрыве, расчищающем дорогу войскам, не упоминает, зато сам нарывается и говорит, что их вдруг «подняло на воздух» и летел он «как птица пернатая».

Что же получается? Русское командование (да, наверное, те же штабные немцы) рассчитало все до мелочей: взорвут пороховые заряды, и сразу же в проломы, пока турки не опомнились, войдут охотники, а за ними уже из 2-й параллели пойдут колонны. Иначе зачем охотников вызывали? То есть мощнейший взрыв и бросок охотников должны идти впритык, сразу же один за другим. Тут расчет на секунды.

Одного штабные не учли – длинных ног юного Бакланова. Опередил он этот расчет как раз на секунды, и когда прогремел мощнейший взрыв, оказался уже у крепостного рва...

Как он в палатке раненых оказался – тоже вопрос. Кто его туда вынес? Из добровольцев никто не спасся, лишь один в Дунай прыгнул. Турки шесть раз в контратаки на русские осадные траншеи ходили...

А что ж пишут официальные источники? С утра 4 июня русские открыли огонь артиллерии, чтоб турки не заделали проломы. Турки в 10 вечера начали сильный ответный огонь. 5 июня утром объявили перемирие на 4 часа для уборки трупов. Из крепости, пользуясь перемирием, вышел парламентар с переговорами о сдаче. И 6 июня – договор о капитуляции Браилова.

Только 5-го могли Бакланова подобрать, через двое суток после взрыва. И очнулся он, выходит, 6-го, в день капитуляции.

Пять дней пробыл он в госпитале, капитуляции Браилова и иных торжеств русского оружия не видел и вообще об этом не вспоминает. Мы же удивляемся баклановскому везению и железному здоровью.

7-го стали из города выходить турки. Потери их тоже были велики – из десяти тысячного гарнизона остались 8 тысяч при 273 орудиях. По договору о капитуляции, подписанному великим князем Михаилом Павловичем с трехбунчужным пашой Сулейманом, они под прикрытием русских войск уходили за Дунай, в крепость Силистрию.

Закрепившись на левом берегу Дуная, оставив здесь гарнизоны и небольшой отряд генерала Гейсмара (удерживать турок, если полезут со стороны Видина), русские войска устремились на правый берег, где их с нетерпением ждал сам Государь с 3-м корпусом. Осадный лагерь снимался. Волонтеров и задержавшихся курьеров, наделив соответствующими подорожными, рассылали по прежним местам службы.

И, отлежав пять дней в госпитале, Яков Бакланов поскакал обратно навстречу полку. Полк свой он нашел в местечке Рийны (Рении) при впадении Прута в Дунай, пока еще на русской территории. «...Я первым долгом счел рассказать мою отвагу отцу в чаянии получить похвалу; но, увы! вместо похвал отец отдубасил меня нагайкой, приговаривая: “не суйся в омут, когда отдален от своей части, а с ней иди в огонь и в воду”».

Глава 4. Турецкая кампания

Государь за Дунаем ждал подкреплений. С 3-м корпусом он еще 27 мая переправился через Дунай. У руля его лодки сидел сам запорожский полковник Гладкий, бывший двухбунчужный паша, а гребли запорожцы. В короткое время русские войска, как мы знаем, заняли всю Северную Добруджу, крепости Мачин, Гирсово. 12 июня генерал-лейтенант Редигер вступил в крепость Кюстенджи. «Около этого времени Некрасовцы, потомки Донских Казаков, удалившиеся в Турецкие пределы во время смуты, бывшей на Дону при Петре Великом, выслали к Государю депутатов с повинною и вступили в подданство России», – писал историк.

Этим стремительным наступлением русские захватили более 300 орудий и большое число военных запасов. 9 июня в лагере при Трояновом вале на реке Карасу Государь награждал главнокомандующего, фельдмаршала Витгенштейна, алмазными знаками ордена Андрея Первозванного.

Однако в наших войсках за Дунаем после выделения гарнизонов осталось 20 тысяч сабель и штыков. Впереди была сильная крепость Варна, а над правым флангом нависала Шумла, где турки собирали силы для контрнаступления. Государь ждал 7-й корпус, чтоб с его прибытием идти на Варну, а кроме того – 6-й корпус, который должен был в Силистрии осадить бывший браиловский гарнизон.

Южнее русские войска одновременно осаждали Варну, Шумлу и Силистрию. Сил не хватало... Тиф и лихорадка терзали армию. Башибузуки терзали ее транспорты и тылы. От бескормицы падали лошади. Две трети кавалерии пришлось спешить. В августе подошла гвардия и вместе с ней 2-й корпус (две пехотные и две гусарские дивизии).

29 августа Варна наконец сдалась, и 2 октября Государь, наградив руководившего осадой графа Воронцова, отбыл морем в Россию. 3 октября Витгенштейн начал отводить войска от Шумлы. Турки преследовали конницей. Наша безлошадная кавалерия туркам противостоять не могла, и 3-й корпус при отступлении бросил все свои обозы.

23 октября ранняя метель замела русские позиции и солдатские землянки под Силистрией, по Дунаю пошли крыги льда. 27 октября пришлось снимать осаду и с Силистрии.

Похоже, что полк Бакланова во всех этих событиях не участвовал. Занимая чужую территорию, русские не снимали пограничных постов по старой границе, главной задачей которых оставалось «охранение от вторжения свирепствовавшей в Молдавских владениях чумной заразы». Да и чужую территорию по возможности расчленили, перекрывая естественные рубежи – реки и речки – казачьими кордонами, закрывая всякому возможному разносчику эпидемии проход и проезд. Так удавалось на какое-то время уберечь войска от чумы или холеры. Так что для казаков и в тылу служба всегда находилась.

В послужном списке Бакланова-старшего сказано, что с сентября 1828 по май 1829 года полк содержал посты по Троянову валу к Черноводам (Карасу) до Дуная.

Сам Яков Петрович впоследствии вспоминал: «Полк перешел Дунай в Исакчах. 22 октября 1828 года прибыл к крепости Костенжи, занял от нее наблюдательную линию по Троянову валу к Черноводам выше Гирсова на Дунае. Здесь оставался в продолжение зимы...»

Здесь же Петр Дмитриевич Бакланов был произведен 13 апреля 1829 года в подполковники и утвержден в командовании полком.

Крепость Костенджи – это нынешняя Констанца. От нее к Дунаю и тянулся знаменитый Троянов вал, занимая который в многочисленных войнах с турками, русские обычно отрезали и брали под свой контроль все нижнее течение Дуная.

Мимо полка, занявшего линию по Троянову валу, русские войска, стоявшие ранее под Шумлой и Силистрией, возвращались на зиму в Молдавию и Валахию, оставив кое-где гарнизоны для наблюдения за противником.

Победы, описанные в официальных реляциях, впечатляли. За 1828 год русские заняли Молдавию, Валахию и часть Болгарии, пленили 9 пашей и 22 тысячи турецких солдат и офицеров, отбили 957 пушек, взяли 180 знамен, захватили или потопили 17 больших судов и 45 малых. Профессионалы же считали, что кампания проведена в высшей степени неудовлетворительно. Время потратили и силы разбросали, одновременно осаждали три крепости, взяли лишь одну, а от двух других отошли несолоно хлебавши. Понимали, что присутствие и распоряжения Государя сильно стесняли Витгенштейна, совершенно лишённого власти, но помалкивали.

Суровая зима, по воспоминаниям Я. П. Бакланова, прошла мирно. Жили казаки в бурдейках – крестьянских землянках. У этой бурдейки возвышалась над землей одна крыша, утоптанная глиной для стока воды, да плетневая труба в человеческий рост. Местные мужики деревянные дома строили лишь в предгорьях за Дунаем, подальше от турок – а так по большей части в таких вот норах сидели.

За казаками приходилось присматривать. Как писал прапорщик Торнау, среди добродушных и преданных начальству русских солдат «есть также пьяницы, воры и разбойники; война способствует развитию грабежа и бесчинства, образующих мародерство, от которого не избавлена никакая европейская и неевропейская армия. Особенно казаки, дисциплинированные менее линейного войска, любят, как у них говорится, пошарить, причем они не всегда отличают мирного жителя от вооруженного врага».

Биограф Бакланова, В. А. Потто, пишет, что юный Бакланов был переведен временно в артиллерию. «... Зиму он провел в батарее», но затем перешел, «по словам его», обратно в полк. Но перешел после особого случая, имевшего место под Шумлюю.

2-я Донская конно-артиллерийская рота действительно принимала участие в этой русско-турецкой войне.

Мог юный Бакланов в ней оказаться? Конечно, мог. В начале XX века М. Жиров составил «Материалы для истории артиллерии Войска Донского» и там писал: «Само войсковое начальство, по-видимому, считало службу в артиллерии для казаков более тяжелой, чем в полках...» И в артиллерию на исправление отправляли казаков Атаманского полка, чтоб они могли «возчувствовать дурные поступки свои и исправить поведение». Сам отец мог заслать Якова Бакланова на время в артиллерию, чтоб он от скуки за зиму не натворил в полку чего-нибудь. И по внешним данным он подходил, ибо требовались в артиллерию люди здорового телосложения.

Сам Я. П. Бакланов в своих воспоминаниях о временной службе в артиллерии не пишет, а повествование о событиях 1829 года начинается фразой: «Полк наш присоединился к главным силам, шедшим к Шумле, и в продолжение всего года участвовал во многих сражениях».

Что же происходило на театре военных действий в 1829 году?

9 февраля Витгенштейн сдал командование армией. Всю кампанию он тяготился присутствием при армии самого царя, начальника главного штаба Дибича и великого князя Михаила Павловича, не чувствовал себя достаточно свободным, и начальника штаба армии Киселева навязали ему помимо его воли. И после падения Варны запросился Витгенштейн в отставку. Но царь тогда рескриптом от 11 ноября 1828 года просил его остаться, невзирая на постигшие полководца недуги. В начале года взяли еще две турецкие крепости – Кале и Турно – и в них 87 орудий, но больше сил у заболевшего фельдмаршала не осталось, и Государь 6 февраля его отпустил на временное отдохновение в надежде вновь увидеть полезным отечеству.

Командование принял барон Иван Иванович Дибич, великий трудяга и храбрый воин. Происходил он из силезских дворян. Отец его состоял в адъютантах при самом Фридрихе Великом, но при Павле I приглашен был в Россию и привез с собой сына, в то время портупей-прапорщика. Принятый в Семеновский полк, юный Дибич отличался от светских ветренников страстию к фронту и наукам и немало удивил всех тем, что за полгода выучился говорить и писать по-русски как природный россиянин. Да и что еще ему оставалось делать при скромных

средствах и незавидной наружности? Не зря же Денис Давыдов, описывая невозможное («Багратиона нос вершком короче стал»), нафантазировал: «И Дибич красотой людей перепугал».

В Аустерлицком сражении юный Дибич, раненный в кисть правой руки, перевязал рану платком, взял шпагу в левую руку и остался с ротой до конца сражения (в романе Льва Толстого «Война и мир» нечто похожее случилось с Бергом, героем не особо симпатичным).

После первых войн с Наполеоном Дибич в 26 лет вышел в полковники, а в Отечественную войну, на 28-м году жизни, заслуженно получил чин генерал-майора. Император Александр I считал Дибича незаменимым человеком и назначил начальником своего главного штаба, а император Николай I произвел Дибича в генералы от инфантерии и возвел в графское достоинство.

Итак, в начале 1829 года сорокатрехлетний энергичный граф Дибич прибыл в войска с готовым планом будущей кампании. Предполагал он взять Силистрию и тем самым обеспечить себе тыл, а затем, опираясь на Варну и Черноморский флот, перейти Балканы и идти напрямик на Константинополь.

Сама природа, казалось, противилась столь дерзким замыслам. Из 95-тысячной армии, собранной для наступления, лишь четвертая часть стояла на правом берегу Дуная, остальные зимовали в Валахии. Необычайно суровая зима и плохое довольствие вызвали заболевания, а в Добрудже, на правом берегу, и вовсе вспыхнула чума, уносившая тысячи жизней.

Поздняя весна оттягивала начало кампании. Но Дибич время даром не терял. Довольствие армии, идущей в наступление, он решил поручить флоту. На болгарском берегу, верст сто южнее Варны, в Сизополе, городке, с трех сторон окруженном водой, русские высадили 3-тысячный десант, отбили все турецкие атаки и стали устраивать там, в турецком тылу, свою главную базу. Турки, потерявшие в Наваринской бухте свой флот, ничего не могли поделать. Таким образом, русская армия, которой предстояло идти в наступление, не удалялась от источников снабжения, а приближалась к ним.

Военные действия начали турки. Визирь с 25 тысячами регулярных войск двинулся от Шумлы к Варне. Занимавший Добруджу генерал Рот, имея за вычетом гарнизона 14 тысяч солдат, встретил турок у Эски-Арнаутлара и у Правод и отбил.

Чума меж тем, как живая враждебная сила, напозла с юга, перешла около Галаца Дунай и стала распространяться по Молдавии и Большой Валахии. Спасения от нее не стало нигде.

В конце апреля 1829 года главные русские войска опять двинулись за разлившийся, полноводный Дунай под Шумлу и Силистрию. Реку перешли с трудом сначала в Гирсове, потом в Калараше, сосредоточились в Черноводах и открыли кампанию, появившись 17 мая под Силистрией.

21 мая полк старшего Бакланова затребовали на соединение с войсками Дибича:

– Имеете выступить по Шумлинской дороге на соединение к главной армии...

Шумлинскую дорогу издали определяли по запаху. В прошлом году пало на ней сорок тысяч волов, по четырехста на каждую версту. Так что и костями она была устлана достаточно, сбиться невозможно.

Идти предстояло по холмистой местности, которая раньше была самого цветущего вида. Дорогой, богатой лесом, казаки большую половину пути ехали «по холодку», но смрад стоял страшный, и дышалось с трудом.

Показывались иногда конные турки на почтительном расстоянии и исчезали при виде казаков, не упуская случая поскакать за ними в погоню. Кроме этих редких встреч, вся страна казалась безлюдной и представляла картину самого жалкого разорения: в брошенных полусгоревших селениях ни следа жизни, одни стаи голодных облезлых собак встречали казачий полк воем и злобным лаем.

Полк отеснил турецкие партии у селения Каургу, разбил их 25 мая при Невчинской долине и присоединился к Дибичу.

Здесь Бакланов увидел самого главнокомандующего, человека с толстой низенькой фигурой и несоразмерно большой головой, покрытую лесом темных с проседью волос. По воспоминаниям очевидцев, Дибич имел быстрый взгляд, живые и угловатые движения, «разговор несвязный, отрывистый, затруднявший людей, редко с ним обращавшихся». Он не занимался своею одеждою; был неловок в обращении; с нравом пылким, скорым соединял добродушие, сострадательность, строгую справедливость; оставался незлопамятен, доступен, ласков с подчиненными; на верху почестей не знал гордости; помнил прежние связи, искренно любил родных. Золото, а не начальник.

И турок граф Дибич подловил и разнес классически.

Ложементы и редуты, окружавшие Силистрию, русские взяли. Турок загнали штыками во внутренние укрепления, положили у них человек 400, сами потеряли 190, из них 15 офицеров.

Но о Силистрию русские войска несколько раз в течение ряда войн зубы ломали. И сейчас стоявший в Шумле великий визирь Мегмет-Решид-паша понадеялся на крепкие силистрийские стены, а сам с 40-тысячным войском вышел из Шумлы и пошел осаждать занятые отрядом генерала Рота Праводы.

Дибичу только того и надо было. Он оставил у Силистрии генерала Красовского с половиной войска, а сам со второй половиной усиленным и скрытным переходом достиг 24 мая селения Мадры, отрезав визиря от легкомысленно оставленной им Шумлы. В Мадры, собственно, и прибыл к Дибичу полк Бакланова.

Впрочем, М. Жиров утверждает, что П. Д. Бакланов оставил часть полка в Каурге, а с остальными казаками отправился на связь к Роту.

Со своей стороны, генерал Рот не стал дожидаться, когда визирь запрет его в Праводах, оставил там генерала Куприянова с 4 полками пехоты, 2 полками кавалерии и соответствующей артиллерией, а сам, дав круг, разминутся с турками и вышел туда же, к Мадрам, на соединение к Дибичу.

Мегмет-Решид-паша узнал 29 мая о движении русских в своем тылу, подумал, что это генерал Рот дерзнул маневрировать на турецких коммуникациях, и поспешил наказать его за оную дерзость. Он снял осаду Правод и пошел назад. Генерал Рот до рассвета 30 мая присоединился к Дибичу и стал влево от селения Мадры напротив Кулевчинских теснин. Здесь, у Кулевчи, 30 мая и разыгралось сражение.

До 11 часов разглядывали друг друга, но турки, показавшиеся из Кулевчинской дефилеи (теснины), спрятались по кустам и оврагам, и Дибич их силы толком не разглядел. Авангард наш получил приказ идти вперед. Турки подались и стали уходить за гору, но, как оказалось, заманивали. Одна их батарея очень нашим досаждала, и создавалось впечатление, что она отход главных турецких сил прикрывает. Наши два полка пошли на нее в штыки и уже приблизились, когда турки, прятавшиеся повсеместно, высыпали и в превышающем числе кинулись со всех сторон на наши батальоны. Авангард наш «увяз» и с ужасным кровопролитием стал отступать. Два русских генерала, Отрощенко и Глазенап, получили ранения.

Турки, преследуя, навалились на русский правый фланг, который прикрывал дорогу на Шумлу. И здесь началось жестокое сражение. Князь Любомирский с Невским и Софийским полками, построенными в каре, отбивался во все стороны. Резня здесь шла, пока барон Будберг с двумя гусарскими полками не прискакал на помощь.

Турки, измотанные боем, отошли опять на возвышенности перед Кулевчинской дефилеей и вроде бы притихли. Наши тоже стояли, дыхание переводили.

Но главнокомандующий русский не дремал, подвел резервы, подкрепил первую линию свежими войсками и в пять часов пополудни неожиданно для турок атаковал.

Начальник главного штаба армии барон Толь, кутузовский любимец, лично расставил батареи прямо перед турецкой линией. Молодцы-артиллеристы ударили прицельно, и у турок

подряд несколько пороховых ящиков взлетели на воздух, оглушив и покрыв дымом всю позицию. Русская пехота, не медля, по всей линии пошла колоннами в штыки, а егеря цепями бегом бросились в лес справа и слева и открыли там пальбу, оттесняя турецких застрельщиков. Прodelали все это стройно и быстро. Обучились этому приему досконально во время наполеоновских недавних войн.

Турки не выдержали и побежали. Полторы тысячи их сдались в плен. Взяли русские 43 орудия и 6 знамен. Турок гнали восемь верст и положили тысяч пять убитыми.

В сражении этом потеряли русские убитыми 32 офицера и 1239 солдат, ранеными – 2 генералов, 29 офицеров и 1009 солдат.

Участвуя в сражении и приглядываясь с любопытством ко всему, обнаружил юный Бакланов, что русские солдаты, стреляя, из-за сильной отдачи кремневых ружей не прикладывались, не целились, а палили «на кого бог пошлет».

Потом уже пригляделся внимательнее. Патрон в дуле болтается. Осечки частые – то кремнь оббилась, то боевая пружина слабая. А один солдат ему прямо сказал, что не следует в человека целить, чтоб самому не быть убиту. Пуля сама найдет виноватого по воле Божьей. Бакланову, умевшему сажать пулю в пулю, казалось это и глупым, и удивительным.

Впрочем, уверенность в непременной победе, свойственная русскому солдату того времени, компенсировала в какой-то мере неумение и нежелание метко стрелять.

За Кулевчинское сражение 30 мая 1829 года Яков Петрович Бакланов получил свою первую награду – «Анну» 4-й степени с надписью: «За храбрость», другими словами – наградную саблю со значком ордена Святой Анны на эфесе («...за отличие при разбитии армии верховного визиря при с. Кулевичи»). Отец же его, Петр Дмитриевич, за то же сражение заслужил орден Святого Владимира 4-й степени с бантом.

В своих воспоминаниях Я. П. Бакланов ни о Кулевчинском сражении, ни о первой награде ничего не пишет.

М. Жиров, собиравший материалы о Петре Дмитриевиче Бакланове, сетует: «К сожалению, не удалось отыскать, какое, собственно, отличие оказала в этом сражении часть полка Бакланова, состоявшая при корпусе Рота»³.

Разгромив турок, Дибич двинулся к Шумле и сделал вид, что собирается ее штурмовать. Разбитые турки окольными путями стали пробираться к осажденному городу, и сам визирь туда же как-то пробрался. Встревоженный русскими приготовлениями, он стал спешно созывать к себе в Шумлу все войска из северной и восточной Болгарии. Вызвал и те, что прикрывали балканские проходы и перевалы, на что Дибич как раз и рассчитывал. А Дибич, поощряя турецкие хлопоты, демонстрировал под Шумлой и так и этак.

Здесь произошел эпизод, о котором Яков Петрович не написал, но который передает биограф с его слов. Под Шумлу юный Бакланов якобы прибыл все еще в составе батареи. Однажды он узнал, что полк отца стоит по соседству с его батареей, и поехал повидаться с отцом и однополчанами. На позиции сказали, что Петр Дмитриевич с дежурной сотней отбивает в поле турецкую вылазку. Яков поднялся на холм, к кучке казачьих офицеров. Все наблюдали за джигитовкой и перестрелкой, которая развернулась внизу. Как писал М. Ю. Лермонтов, в подобных сшибках «забавы много, толку мало», и он с офицерами, бывало, смотрел на них, «как на трагический балет». И вдруг юный Бакланов, смотревший на схватку во все глаза, услышал, что рядом офицеры говорят о нем. Это, де, пушкарь, сынок полкового командира, приехавший поглазеть на перестрелку и заработать таким манером чин или крест.

Далее биограф пишет: «Яков Петрович с минуту оставался неподвижным, не зная, на что решиться и чем отвечать на подобное, незаслуженное вовсе оскорбление. Вся кровь прилила ему в голову. Когда он повернулся в седле, и рука его невольно опустилась на саблю, офицеры,

³ ГАРО, ф. 55, оп. 1, д. 181, л. 4.

заметившие это, скрылись в толпе. Тогда, – как это часто случается с нервными натурами, – мысли его приняли вдруг иной оборот, и ему захотелось во что бы то ни стало сейчас же сделать какой-нибудь громкий или отчаянный подвиг... И вот, под впечатлением этой минуты, не отдавая себе отчета, что и как надо сделать, он машинально стиснул коленями своего жеребца, гикнул и, выпустив поводья, взмахнул тяжелой калмыцкою плетью».

Конь пронес Бакланова сквозь ряды казаков, сквозь цепь шарахнувшихся турок, обогнул турецкие резервы (дело, видно, разворачивалось нешуточное, если турки из крепости резервы вывели), повернул над каким-то обрывом и помчался назад. Опомнившиеся делибаши кинулись в погоню, их свежие кони стали доставать притомившегося баклановского. Двое с бамбуковыми пиками догоняли его с двух сторон, и острия их тонких пик уже тянулись к спине и бокам молодого хорунжего. И тут Яков «закричал о помощи...»

– Что было дальше, – рассказывал Яков Петрович, – я ничего не помню... Как сквозь сон слышатся мне голос отца, выстрелы и яростные крики сражавшихся казаков и турок.

Я очнулся уже в палатке возле отца, который очень сердился...

Помните, чем кончилось дело, когда наш молодой хорунжий поведал отцу о своих приключениях под Браиловом? Отец его «отдубасил нагайкой». Помня этот случай и зная заранее, что будет немного позже, можем предположить, что едва ли и в данном эпизоде обошлось без порки...

Еще один биограф Я. П. Бакланова, А. Струсевиц, в сборнике «Герои Дона» (выпуск 1, Новочеркасск, 1895) об этом событии говорит глухо, более того – в сноске: «Еще раньше, в половине июня, Яков Петрович принимал участие в нападении на неприятельских фуражиров, высланных из Шумлы».

Что творилось в это время под Шумлой? Помните, описание поездки Я. П. Бакланова под Браилово мы начинали с цитирования прапорщика Торнау? И сейчас он оказался здесь же. «Трудно составить понятие о живом веселье, кипевшем в то время в войсках и главной квартире. Ни в одну кампанию после того я не встречал в солдатах и офицерах такой жажды ловить на лету каждую минуту удовольствия, как во время турецкой войны 1829 года. Турки, лихорадка, горячки и даже чума, расстилавшая свой широкий саван по всему краю, не были в силах умертвить русской беззаботной веселости. Славная Кулевчинская победа и потом ожидание атаки грозного ряда Шумлинских укреплений, лежавших в виду нашего лагеря, надежда, пожалуй, шагнуть еще за Балкан и завоевать самый Царьград, эта задушевная мысль русского народа, действовала обаятельно на солдата, заставляя его забывать труды и горе. За бесконечным рядом войсковых палаток в тылу главной квартиры вырос обширный полотняный город, испещренный бараками из живой зелени, в котором маркитанты и ремесленники всякого рода день и ночь хлопотали о заработке русских червонцев, наполнявших офицерские карманы. Лавки портных, сапожников, продавцов белья, колониальных товаров, галантерейные магазины из Букарешта и Ясс, рестораторы всех степеней, от француза, угощавшего котлетами “à la Subise” и шампанским, до харчевни и простого кабака, все было наполнено народом, рвавшимся пожить да повеселиться. В это время праздновались награды за Кулевчинское дело; не было счета бутылкам шампанского, отдававшим свою искристую влагу на вспрыскивание вновь пожалованных чинов и крестов».

Так что если юный Бакланов и отведывал под Шумлой в очередной раз отцовской ногой, то довольно быстро отвлекся и утешился. Тем более что сам в это время должен был первый орден «обмывать».

Шумлу русские штурмовать не стали. Более того, позволили туркам усилить шумлинский гарнизон 12 полками регулярной пехоты.

В июне сдалась перепуганная Кулевчинской победой Силистрия. 9300 пленных, 253 орудия, 3 бунчука и 100 знамен стали итогом победоносной осады.

Дибич немедленно затребовал из-под Силистрии 3-й русский корпус. Оставил его наблюдать за осажденными в Шумле турками, а сам быстро и скрытно отвел главные силы к Праводам. Отсюда он собирался ударить через Балканы прямо в сердце Оттоманской Порты.

Силы собрались немалые – 35 тысяч строевых при 96 орудиях. Дибич разделил их на две колонны – правую генерала Редигера (7-й корпус), левую генерала Рота (6-й корпус). Сам же с резервом графа Палена (2-й корпус) двинулся следом. Поход колонн начался 2 июля, Дибич с резервом от Шумлы скрытно отошел только 5-го.

Турки с шумлинских высот разглядели, что русский лагерь вроде бы уменьшился. Визирь выслал конницу для рекогносцировки, но князь Мадатов дальше Янибазара эту конницу не пустил, а генерал Красовский с частью 3-го корпуса (18 тысяч) занял за этим городом крепкую позицию, отсекая шумлинских турок от главных русских сил, которые устремились на юг.

С неимоверными трудностями по дорогам, размытым южными ливнями, корпуса Редигера и Рота достигли реки Камчик.

Переправа через реку Камчик – единственное сражение 1829 года, описанное самим Яковом Баклановым. Описал он его коротко, в одном абзаце. Но дело там разгорелось нешуточное.

Генерал Редигер вышел к Камчику 5 июля, около 6 часов пополудни, у деревни Чалымалы, а генерал Рот – 6-го числа утром против селения Дервиш-Джавана. Турки здесь русских не ожидали, думали, что они увязли под Шумлой, но все же решились обороняться.

Генерал Редигер под прикрытием орудийного огня навел мост, и русские атаковали турецкие ложементы и редуты на другой стороне реки холодным оружием. Турки, потеряв 4 пушки и знамя, бежали на Кюприкийю.

Редигер не стал их преследовать. Ниже по течению он расслышал выстрелы. Это вел бой за переправу генерал Рот. Редигер выставил на переправе сильное прикрытие и поспешил на подмогу Роту.

Генерал Рот у переправы при Дервиш-Джавана встретил сильное укрепление с 18 орудиями и многочисленные толпы пехоты и конницы. Не желая понапрасну терять людей, Рот выставил против переправы егерскую бригаду с 16 орудиями (здесь же находился казачий полк Бакланова, в котором насчитывалось всего 134 казака) и приказал начать перестрелку, в то же время генерал Вельяминов получил приказ с 16-й дивизией и частью 7-й скрытно выдвинуться правее, выше по течению к деревне Дюльгарду.

По непроходимой дороге с величайшим трудом доставили туда понтоны и начали наводить переправу. Но и турки не дремали. Напротив оказался турецкий ретраншемент, и русским пришлось всю ночь наводить переправу под турецким огнем.

7 июля, с рассветом, наши войска под прикрытием огня 12 орудий двинулись на переправу (за ночь навели 4 моста). Сам генерал Вельяминов повел Муромский полк. Следом наступали Якутский и 32-й егерский. Перейдя мост, русские ударили в штыки и захватили турецкий лагерь. Турки, побросав оружие, рассеялись в лесах и устремились по дороге к Буюк-Чифлику.

Рот, перейдя Камчик, повернул на главные турецкие силы к деревне Дервиш-Джавана. Идти пришлось через густой болотистый лес, перебрывая ручьи.

Турки у Дервиш-Джавана, узнав о приближении русских через лес, стали разворачивать свои силы, оставили укрепления и вывели пехоту и конницу в поле, чтобы встретить полки генерала Рота.

И тут авангард корпуса Рота, остававшийся все это время на левом берегу и перестреливавшийся с турками, вступил в дело. Командующий авангардом генерал Фролов приказал казакам и егерям перейти Камчик вброд и атаковать турок.

Бакланов вспоминал, что вместе с охотниками он бросился в реку, которая в этом месте не превышала шириной 10 сажень, и под картечным огнем 12 турецких орудий стал переходить на правую сторону реки. Многие погибли и утонули, но уцелевшие четыре пятых отряда, при-

мерно 2000 казаков и егерей, достигли берега и бросились на турок. Неприятеля опрокинули до деревни Дервиш-Джавана, причем юный хорунжий Бакланов со своими казаками захватил 1 орудие.

Всего русские взяли 6 пушек, 6 знамен и 300 пленных, да убитыми положили «втрое». Своих потеряли 300 человек.

На другой день сам командир корпуса благодарил Якова Бакланова за подвиг, и имя хорунжего с тех пор стало известно в армии.

И отец родной подвиг сына оценил. «За такую отвагу я от отца получил поощрительную награду: несколько нагаек в спину, будто бы за то, что я позволил себе пуститься на вороной лошади, а не на белой, эта де была сильнее и надежнее, а с вороною мог де я утонуть; на деле же выходило вот что: отцу не хотелось, чтоб я очертя голову бросался во все нелегкие. Понявши, наконец, его и дорожа моею спиною, более не позволял себе ни на какие отваги», – вспоминал Я. П. Бакланов.

Конечно же, причину старый Бакланов надумал. Мы и то знаем, что вороные лошади более выносливые, чем белые. И юный хорунжий все правильно понял.

Вообще-то взаимоотношения отца и сына Баклановых весьма интересны. Взяв юного Бакланова на службу, любой командир, в зависимости от обстоятельств, мог сделать крупное приобретение или приобрести вечную головную боль. Все зависело от того, как он собирался использовать это взрывоопасное, неуправляемое создание. Назначьте его командиром разведчиков, давайте самые опасные поручения и не ограничивайте в средствах, и вы получите прекрасного подчиненного и прекрасные результаты его деятельности. А в строю, в одном ряду со всеми, при жестком распорядке ему будет просто скучно, и он начнет «дурить». Но часто ли мы встретим примеры, когда родной отец посылает сына на рискованнейшие предприятия? Ситуация была заведомо тупиковой.

Когда родители бьют своих детей? Бывает, конечно, что бьют методично, сделав порку неизменным атрибутом воспитания. Но перед нами офицер-отец дважды бьет нагайкой офицера-сына, бьет после смертельной опасности и по надуманному поводу. Причем в детстве он его вряд ли методично порол – времени из-за службы не было, а бабке и матери этот мальчишка не дался бы. И мы видим, отец бьет сына от чувства бессилия и страха. Не знает, чего ожидать от неуправляемого юнца, и боится, что тот по глупости, по неразумению погибнет. Сын-то единственный... И когда под Шумлой юный Бакланов прорвался сквозь турецкую цепь и поскакал вокруг турецких резервов, а затем (сквозь боевые порядки противника) стал возвращаться к своим, старый Бакланов наверняка увидел дурость, наглость и вызов, а не то, что лошадь понесла... И после, как ни поощрялась властями совместная служба родственников, старый Бакланов больше на службу в один полк с великовозрастным сыном не пойдет. Поймет, что наблюдать за сынком во время военных действий – ни нервы, ни сердце не выдержат.

И юный Бакланов перестал «чудесить» не потому, что пожалел свою спину или престарелого родителя или же одного родителя убоялся, а потому что корпусной командир, генерал Рот, лично благодарил его за подвиг, и ему, юному Бакланову, не надо было теперь ни себе, ни другим ничего доказывать. Он самоутвердился.

От Камчика русские войска двинулись за Балканы, перешли главный Балканский хребет и 10 июля стали спускаться в долину, перенося военные действия в самое сердце турецких владений.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.